

УДК 631.4

**«НАЙТИ НЕНУЖНЫМ И МЕНЯ...»
(ОБ ОДНОМ КОНСПИРАТИВНОМ ПИСЬМЕ АКАДЕМИКА В. И. ВЕРНАДСКОГО)**

В. В. Лавров

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского

Рассматривается и анализируется малоизвестный этап жизни и деятельности выдающегося ученого, первого президента Украинской Академии наук, академика Владимира Ивановича Вернадского в период с середины декабря до конца января 1919 г. Этот ранний послереволюционный этап отмечен сложной политической ситуацией на Украине, он сопровождался частой сменой власти, гражданскими войнами, репрессиями и массовыми расстрелами выдающихся ученых и общественных деятелей того времени. Приводится оценка общественно-политической ситуации на Украине глазами самого В. И. Вернадского, а также дается представление о научных занятиях ученого на биологической станции и дальнейших его научных планах в те годы. Детальный анализ переписки за указанные годы наглядно свидетельствует о том, что большая наука – это явление аполитическое.

Ключевые слова: Украинская Академия наук, Национальная Библиотека Украины, академик В. И. Вернадский.

**«ЗНАЙТИ НЕПОТРІБНИМ ТА МЕНЕ...»
(ПРО ОДИН КОНСПИРАТИВНИЙ ЛИСТ АКАДЕМІКА В. І. ВЕРНАДСЬКОГО)**

В. В. Лавров

Таврійський національний університет ім. В. І. Вернадського

Розглядається й аналізується маловідомий етап життя та діяльності видатного вченого, першого президента Української Академії наук, академіка Володимировича Івановича Вернадського в період із середини грудня до кінця січня 1919 р. Цей ранній післяреволюційний етап пов'язаний зі складною політичною ситуацією в Україні та супроводжувався частою зміною влади, громадянськими війнами, репресіями та масовими розстрілами провідних учених і діячів країни того часу. Наводиться оцінка громадсько-політичної ситуації на Україні очима самого В. І. Вернадського, а також надається уявлення про наукові заняття науковця на біологічній станції та його подальших творчих планах у ті роки. Детальний аналіз листування вченого за вказаний період ще раз свідчить про те, що велика наука є явищем аполітичним.

Ключові слова: Українська Академія наук, Національна Бібліотека України, академік В. І. Вернадський.

Опубликованные в 1994 и 1997 годах дневники академика В. И. Вернадского (1997) дают историческую канву жизни и деятельности ученого на Украине. Политические условия, в которых приходилось жить и трудиться ученому, были сложны, противоречивы и непредсказуемы. Украина испытывала на себе все перипетии, вызванные революциями и гражданской войной: захват власти большевиками и создание Украинской Народной Республики; немецкую оккупацию и «деникинщину»; работа национальных правительств и попытку организации государственности. В общем, Украина представляла собой некий осколок всей страны, погрязшей в междоусобной войне. И каждый раз при смене власти на Украине В. И. Вернадскому приходилось отстаивать и защищать свое научное детище – Украинскую Академию наук. Достаточно напомнить два факта в судьбе Академии этого периода, чтобы увидеть реальные ей угрозы. В середине декабря 1918 года власть на Украине перешла к Директории во главе с В.Н. Винниченко¹. С при-

ходом Директории в Киеве начались аресты, увольнения чиновников с постов, назначенных гетманом П.П. Скоропадским², закрытие государственных учреждений, основанных при правительстве гетмана. Новой политической ситуацией воспользовался и бывший президент Украинской Народной Республики М.С. Грушевский³, пытавшийся в это время реализовать свой давний план создания Академии на базе Украинского научного общества, видя себя при этом ее Президентом. «Из их среды, – писал В. И. Вернадский, – шла против <...> Академии непрерывная борьба во время директории проф. М.С. Грушевским и его сторонниками» (Госархив г. Киева).

В 20-х числах августа 1919 года в Киев вошли войска Добровольческой армии генерала А.И. Деникина.⁴ Его генералы и слышать ничего не хотели

¹ Винниченко Владимир Кириллович (1880–1951) – писатель, политический деятель Украины. В апреле 1917 избран заместителем Председателя Центральной Рады, в июне 1917–январе 1918 возглавил правительство УНР, в период гетмана – под арестом. В ноябре 1918–феврале 1919 – глава правительства Директории, затем в эмиграции.

² Скоропадский Павел Петрович (1873–1945) – военный и государственный деятель. В апреле–декабре 1918 возглавил гетманат Украинского государства. С декабря 1918 в эмиграции.

³ Грушевский Михаил Сергеевич (1866–1934) – историк и государственный деятель Украины. В ноябре 1917 возглавил Украинскую Народную Республику. С 1923 – академик Всеукраинской Академии наук, с 1929 – академик АН СССР.

⁴ Части Добровольческой армии вошли в Киев 17 (30) августа 1919 г.

о новом научном центре в Киеве. Опасность грозила не только Академии, но и нависала над её создателем и первым её президентом. Первая реальная угроза для жизни В.И. Вернадского была во время правления Директории. Именно этот период (середина декабря 1918 – конец января 1919) не отражен ученым в его дневниковых записях. Исследователи этого периода обычно отделяются дежурной фразой «Оставшись в Киеве, Вернадский продолжил активную и научную организационную работу в Украинской академии наук». Так ли это? В дневнике 1935 года В.И. Вернадский вспоминал: «Ещё во время Винниченко мне передавали совет Антоновича⁵ уехать, так как мое положение в Киеве опасно». Уже в первые дни правления Директории Вернадский сделает характерную запись: «Третьего дня, когда думал, что, может быть, придётся не ночевать дома...» (Вернадский, 1997). Запомним эту последнюю дневниковую запись. Что же происходило в дни правления Директории?

Было уже отмечено, что руководство Директории пыталось уничтожить всё, что было создано за время правления гетманата. Вот что писала Н.Д. Полонская–Василенко (2004) о судьбе ближайшего друга и соратника В.И. Вернадского, фундаторе Украинской Академии наук Николае Прокофьевиче Василенко: «14 декабря 1918 г. Киев был занят Директорией. Николай Прокофьевич, отошедший от реальной заботы и занимавший пост Президента Сената⁶, был совершенно спокоен. Он был уверен, что личность министров гетманского правительства при Директории будет столь же неприкосновенна, как была при гетмане. В этот вечер он готовился к лекциям у себя дома, и на все уговоры Требинских⁷ временно переменить место ночлега, ответил категорическим отказом: «Я должен готовиться к лекциям и мне неудобно ночевать по чужим квартирам», – отвечал он.

Утром 15 декабря он ушел в университет на заседание <совета> факультета (Киевского университета). А тем временем к нему на квартиру пришли «черные гайдамаки» – молодые хлопцы и потребовали выдачи его. Прислуга Николая Прокофьевича – Матрёна Семёновна Великохатко пыталась уговорить их, успокоить, хвалить его как доброго, хорошего человека. Ничего на них не действовало. Хорошо информированные об обычаях Николая Прокофьевича, они оправились на квартиру Требинских и потребовали выдачи Николая Прокофьевича. На заверение Марии Николаевны (Требинской. – В.Л.), что его нет, они произвели обыск в доме, шарили под диванами, креслами, открывали шкафы. На её вопрос: «Зачем они его ищут?» – гайдамаки ответили, что хотят его расстрелять. Освободившись от посетителей, Мария

Николаевна поспешила в университет, чтобы предупредить Николая Прокофьевича и предостеречь от возвращения домой.

Он шёл уже домой из университета, спокойный и благодушный, когда встретился с взволнованной, напуганной Марией Николаевной. И тогда для него стало ясно, что его положение делается серьезным. И он решил, не заходя домой, отправиться в Александровскую больницу, к старому члену Старой Громады⁸ доктору Квятконскому. Но оказалось, что там уже скрывались два гетманских министра. Николай Прокофьевич переночевал там, стал искать новое место жительства. Ему предложил свой кров И.П. Житецкий⁹, и он перебрался на Гоголевскую, где пробыл несколько дней, пока его не пригласила к себе семья профессора И.В. Егорова¹⁰, жившая на Нестеровской улице.

Среди огромного круга близких знакомых и друзей Николая Прокофьевича семья Егоровых не занимала особого места. Знакомство с Иваном Васильевичем, профессором химии в университете и Коммерческом институте исключительно были деловыми. В 1918 г. Егоров был ректором университета, и с семьей его Николай Прокофьевич не был знаком. Таким образом, возможность прожить тревожные дни у них представляла, по соображениям конспирации, большое удобство. Занимали Егоровы большую квартиру на 6-м этаже и только что перенесли семейное горе: была убита шальной пулей их старшая дочь, студентка университета, во время каких-то волнений в университете в октябре 1918. При таких условиях и для Егоровых представляло большое удовольствие поселение у них Николая Прокофьевича, внесшего живую струю в их убитую горем семью. Прожил он у Егоровых около двух месяцев <...>.

Первое время Николай Прокофьевич соблюдал все условия конспиративной жизни: сбрил бороду и усы, не выходил из дома днем, и только глубокой ночью выходил подышать чистым воздухом <...>. С семьей Егоровых Николай Прокофьевич близко сошелся за это время и на всю жизнь сохранил чувство самой теплой привязки к Анне Федоровне (жене проф. Егорова. – В.Л.) и Ивану Васильевичу <...>. На конспиративных началах в это время жил и Президент Украинской Академии наук академик В.И. Вернадский, который и посоветовал Николаю Прокофьевичу «спрятаться» на время в семье Егоровых» (Центральный госархив).

Итак, сопоставляя последнюю дневниковую запись («третьего дня, когда думал, что, может быть, придется не ночевать дома»), совет Антоновича «уехать» и «воспоминания» Натальи Дмитриевны Полонской–Василенко, можно догадываться, почему отсутствуют дневниковые записи Вер-

⁵ Антонович Дмитрий Владимирович (1873–1945) – историк искусства. С 10 (23) декабря 1917 до 14 марта 1918 министр военно-морских дел в правительстве Центральной Рады. В правительстве Директории глава дипломатической миссии в Риме. В эмиграции с 1919.

⁶ Государственный Сенат Украины был учрежден в августе 1918, с 19 августа Н.П. Василенко стал Президентом Сената.

⁷ Близкие друзья семьи Василенко.

⁸ Старая Громада (Стара громада) – полулегальное общество киевской демократической интеллигенции, возникла в начале 1870-х годов, занималось пропагандой и изданием литературы на украинском языке.

⁹ Житецкий Игнатий Павлович (1866–1929) – украинский ученый, специалист по библиографии и истории литературы.

¹⁰ Егоров Иван Васильевич (1869–1931) – химик-органик, профессор университета св. Владимира в Киеве.

надського в період правління Директорії. Над ученим реально нависла угроза фізическої расправи. Прямим доказательством может служить развязанная компания Е.Ю. Перфецким¹¹ против Вернадского в этот период. В начале января 1919 г. Перфецкий подал в правительство Директории записку об «антиукраинской» деятельности «россиянина» Вернадского, «малоросса» Василенко и близких к ним ученых. Власть среагировала мгновенно, и уже 10 января на заседании правительства был поднят вопрос об удалении из состава Комиссии Национальной Библиотеки Украины В.И. Вернадского и ближайших его подвижников, ставя в обвинение ученому, что он ведёт «русификаторскую политику». На заседание подчеркивалось, что в знак несогласия с такой политикой Вернадского из состава комиссии вышли А.С. Грушевский,¹² Е.Ю. Перфецкий, и в ближайшее время покинет её ряды академик А.Е. Крымский.¹³

Благодаря академику С.А. Ефремову,¹⁴ придавшего гласности «политический донос» Перфецкого, может быть, и не состоялась физическая расправа над Вернадским. Хотя он был отстранен от председательства в Комиссии по высшей школе и научных учреждениях Украины (Нова Рада, 1919). Позже В.И. Вернадский вспоминал: «<...> много удалось избежать благодаря Крымскому, Науменко¹⁵ и другим (имеются ввиду академик Б.А. Кистяковский¹⁶ и, конечно, академик С.А. Ефремов. – В.Л.)».

Скорее политическая ситуация на Украине резко изменилась. 5 февраля 1919 г. В Киев вошли войска Красной армии. Несмотря на лояльное отношение советской власти в целом к Украинской Академии наук, этого никак не скажешь по отношению к её создателям Н.П. Василенко и В.И. Вернадскому (Вернадский, 1997). В газетах этого периода стали появляться заметки, что Академию в Киеве основали кадеты во времена гетмановщины, и у её руля находится бывший «кадетский министр», «крупный землевладелец» Вернадский. Мн. Владимир Иванович позже вспоминал: «Начали тогда справляться обо мне как имеющим связь с

Кривошеиным(!)¹⁷ и смешивали с Бернадским.¹⁸ Одновременно указывали, что Академия наук ведёт контрреволюционную деятельность, и во главе стоит бывший министр Временного правительства и крупный помещик, а Крымского убеждали, что какой я украинец, и что они не понимают, что он меня защищает...» (Вернадский, 1997).

За словами последовали действия. В марте 1919 г. были арестованы П.Я. Стебницький,¹⁹ С.А. Ефремов, профессора Г.Г. Де-Метц,²⁰ Л.Е. Чикаленко,²¹ преподаватель Э.К. Гарф.²² Киевской ЧК были расстреляны П.Я. Армашевский,²³ Т.Д. Флоринский.²⁴ Погиб при неизвестных обстоятельствах в тюрьме ректор первого украинского художественного учебного заведения А. Мурашко (Гольденвейзер, 1991).

Одной из знаковых расправ стало убийство Владимира Павловича Науменко. Его имя не раз упоминается на страницах дневников Вернадского. Когда В.И. Вернадский вместе с Н.П. Василенко были товарищами министра народного образования во Временном правительстве, В.П. Науменко заведовал в том же министерстве Отделом высшей школы и организации научных исследований. С тех пор их пути часто пересекались. В ноябре 1918 г. В.П. Науменко сменил Н.П. Василенко на посту министра образования в гетмановском правительстве и способствовал становлению Украинской Академии наук на государственном уровне. 7 июля 1919 г. В.П. Науменко был арестован, а 8 июля – расстрелян. Одна из киевских газет чуть позже поместила рассказ очевидца расправы над В.П. Науменко: «Владимир Павлович Науменко был приведен в ЧК на Екатерининскую улицу, в камеру № 2, глубокой ночью. Спокойно, ровно, своим низким грудным голосом, он рассказывал нам, заключенным в этой камере, о том, как его арестовали. Первые наши вопросы были о «воле», о том, что делается «там», за решеткой, за колочей проволокой, протянутой у входа в нашу тюрьму. <...>».

¹⁷ Кривошеин Александр Васильевич (1857–1921) – государственный деятель. Осенью 1918 в Киеве – один из организаторов «Совета государственного объединения России». С 1920 в эмиграции.

¹⁸ Бернадский Михаил Владимирович (1876–1945) – экономист, государственный деятель, министр финансов и председатель правительства при главкоме Вооруженных Сил на юге России (1918–1919). С 1920 в эмиграции.

¹⁹ Стебницький Петр Януарьевич (1862–1923) – украинский ученый, литератор, государственный деятель. С 19 октября 1918 министр народного просвещения Украины. Руководитель Комиссии биографического словаря Академии.

²⁰ Де-Метц Георгий Георгиевич (1861–1942) – физик, сотрудник УАН.

²¹ Чикаленко Лев Евгеньевич (1888–1965) – археолог, политический деятель, сотрудник УАН. С 1920 в эмиграции.

²² Гарф Эрнест Карлович (1880–1920) – инженер-технолог, сотрудник УАН.

²³ Армашевский Петр Яковлевич (1851–1919) – минеролог и геолог. В.И. Вернадским написан некролог памяти Армашевского.

²⁴ Флоринский Тимофей Дмитриевич (1854–1919) – филолог, историк, славист, академик РАН.

¹¹ Перфецкий Евгений Юлианович (1888–1947) – историк, славист, профессор университета св. Владимира. С 1920 в эмиграции.

¹² Грушевский Александр Сергеевич (1871–1942) – историк, литературовед, брат М.С. Грушевского, сотрудник ВУАН, репрессирован.

¹³ Крымский Агафангел Ефимович (1871–1942) – филолог, востоковед, неприменный секретарь УАН (ВУАН) (1918–1928). Из состава Комиссии не вышел.

¹⁴ Ефремов Сергей Александрович (1876–1939) – политический деятель Украины, публицист, литературовед, академик УАН (1919). Репрессирован.

¹⁵ Науменко Владимир Павлович (1852–1919) – филолог, публицист, политический деятель. Научный сотрудник УАН. Расстрелян Киевской ЧК.

¹⁶ Кистяковский Богдан Александрович (1868–1920) – юрист, академик УАН. Выступил в защиту В.И. Вернадского. См. Личков Б.Л. К истории создания Академии наук Украины в Киеве (Из воспоминаний). АРАН. Ф. 518. Оп. 5. Д. 94. Л. 14-19.

Начинался день. Были потребованы все чехи, которые находились в камере (11 человек) и отправлены на работу.

Позднее, вечером, мы узнали, что чехи были отправлены для рытья могил на Лукьяновском кладбище. Около часу дня Владимир Павлович был вызван на допрос. Такой скорый вызов не предвещал ничего хорошего, так как обычно в первый день ареста допрашивали тех, судьба которых была предрешена. Вернувшись с допроса, Владимир Павлович сказал, что следователь произвел на него приятное впечатление своей учтивостью и что, хотя допрос продолжался довольно долго, больше часа, но вопросы предлагались общего характера и, по-видимому, дело кончится пустяком. Спрашивали: «Почему Владимир Павлович принял пост министра народного просвещения?» На это Владимир Павлович отвечал: «Когда формировался гетманский кабинет, то в его программе не было упоминаний о федерации Украины с Россией, и я на этом основании отклонил пост министра, который мне предлагали. Когда, в конце пребывания гетмана у власти, ко мне приехал Гербель (Сергей Николаевич, министр продовольствия гетманского правительства. – *В.Л.*) и сообщил мне, что условия, которые я ставил, целиком приняты, и я не мог отказаться от предложенного мне портфеля».

Еще спрашивал следователь Владимира Павловича о том, как он относится к коммунизму. На это Владимир Павлович отвечал, что он принимает коммунизм как учение, но полагает его неосуществимым в жизни. «Иначе отвечать я не мог», – сказал он. Окончивши допрос, следователь потребовал, чтобы Владимир Павлович записал все то, что говорил. «Видимо, он не был в состоянии изложить мои мысли» – заключил Владимир Павлович. Наступил вечер. В половине десятого появился разводящий и выкрикнул трех заключенных с «вещами». Вызываемые на расстрел, по обычаю ЧК, должны нести с собой вещи, которые потом делят палачи. После того, минут через десять, разводящий явился опять и крикнул две фамилии – одну из них Науменко. Владимир Павлович взволновался, но мы убедили его не брать вещи и сказали, что его зовут на новый допрос, хотя все мы поняли, зачем его зовут. Спокойно, ровными шагами прошел Владимир Павлович в дверь камеры, и из окна я видел, как он вышел за изгородь за колючей проволокой. Помню, как он поправлял на голове свою соломенную желтую фуражку, ожидая спутника, и под конвоем трех человек скрылся за углом комендантского дома, рядом с нашим флигелем. Через полчаса пришел помощник коменданта и потребовал у старосты нашей камеры личные вещи Науменко. Посмотрел на них, цинично выругался, сказал: «Какая дрянь!», – взял вещи и вышел».

Круг сужался. Оставались на воле ещё несколько деятелей «прошлого» и среди них В.И. Вернадский и Н.П. Василенко. «Я думаю, вспоминал В.И. Вернадский, – что те украинские группы, которые сознательно устранили Науменко как лицо, мешавшее их самостоятельности, легко могли – и ещё легче – найти ненужным и меня (выделено нами. – *В.Л.*)» (Вернадский, 1997). Косвенным доказательством могут служить распространявшиеся в

Киеве слухи об аресте Вернадского. Известный ученый, друг и соратник Г.Н. Высоцкий писал В.И. Вернадскому 1 апреля 1919 г.: «<...> Очень рад и тому, что распространившийся вчера слух об аресте Вас, оказался неверным» (АРАН).

В.И. Вернадский принимает решение покинуть Киев. Первоначально он планировал со всей семьей отправиться на Полтавщину, в Шишаки²⁵. Но как позже сам признался, «опоздал». «Невольно пытаешься оценить, – вспоминал по горячим следам Вернадский, – насколько верна мысль о том, что мне грозит опасность от большевиков? Я ушел в Староселье после убийства Науменко. В это время психология была подавленной. Ясно выяснилась роль в этом убийстве украинских националистов – большевиков-боротьбистов и украинских с.-р. Из разговоров с членами этих партий и сведений из чрезвычайки одновременно, которые передавал мне тогда Крымский, это было мне несомненным» (Вернадский, 1997). К этому периоду жизни ученый будет возвращаться не один раз. «Убийство Науменко, – вспоминал Вернадский, – совершенно неожиданное – произвело огромное впечатление. Было лето и я через некоторое время по совету Кушакевича (той же партии, как и Науменко)²⁶ уехал с ним в Староселье, где провёл на станции значительную часть времени» (Вернадский, 1997).

Н.П. Василенко, по совету В.И. Вернадского, тоже вынужден был покинуть Киев. Н.Д. Полонская-Василенко вспоминала: «Так время шло до мая 1919 года, когда в Киеве пронеслись тревожные события, одной из жертв которых стал неожиданно, случайно В.П. Науменко. Слишком тесно связаны с Владимиром Павловичем прежней работой при Временном правительстве и в Министерстве народного просвещения при гетмане. Николай Прокофьевич стал волноваться. Под влиянием друзей и, прежде, всего В.И. Вернадского он выехал из Киева в середине июля к тем же Егоровым, у которых была дача на берегу Днепра. Труднее всего было выехать, так как за пристанью был учреждён строгий надзор и паспорта выезжавших пересматривались ЧК. Егоров снабдил Николая Прокофьевича командировкой для разыскания торфа...» (ЦГАМЛИ).

В.И. Вернадский также был снабжен соответствующими документами. Профессор С.Е. Кушакевич ещё в марте 1919 г. инициировал создание при Физико-математическом отделе УАН Комитет по изучению фауны Украины. По соображениям безопасности Сергей Ефимович (состоял в одной партии с убитым Науменко) тоже вынужден покинуть Киев. Оформив документы от названного Комитета, они отправились с Вернадским на биологическую станцию, где директором был тогда Кушакевич. Об обстоятельствах ухода на биологическую станцию, Вернадский оставил воспоминания: «Наташа (супруга Вернадского. – *В.Л.*) осталась в

²⁵ Шишаки – село Миргородского уезда, в котором Вернадские в 1913 г. построили дачу, где ежегодно отдыхали летом.

²⁶ Кушакевич Сергей Ефимович (1878–1920) – зоолог, профессор университета св. Владимира в Киеве, директор Днепровской биологической станции.

Киеве, а мы с Ниночкой (дочь Вернадского. – В.Л.), с Кушакевичем отправились пешком в Вышгород (резко антибольшевистское село) и оттуда на лодке в Староселье <...>» (Вернадский, 1998).

В воспоминаниях о В. Вернадском Н.Д. Полонская-Василенко писала: «Красный террор 1919 года, жертвой которого стали украинские ученые, а среди них выдающийся политический, общественный и научный деятель В.П. Науменко, заставил значительное число ученых Киева покинуть город и искать временный приют где-то вне города. Н.П. Василенко поселился на даче профессора, бывшего ректора университета И.В. Егорова. Дача была на берегу Днепра, недалеко от устья Припяти. В.И. Вернадский уехал в Староселье, на биологическую научно-исследовательскую станцию на берегу Днепра, возле устья Днестра. В ужасные дни террора Вернадский с восторгом исследовал Старосельские леса, и там ему удалось найти ключ к проблеме живой материи, которой он посвятил всего себя и значительную часть своей жизни <...>. В архиве Н.П. Василенко сохранились два письма из Староселья, раскрывающих процесс его исследования. Этот эпизод из жизни В.И. Вернадского, эти живописно написанные письма, дают представления о его черте характера, как ученого. В письмах этих не было «обывательских» жалоб на современность, опасений расправы, которая грозила, если будет открыт его приют...» (Полонская-Василенко, 2004).

В других воспоминаниях Н.Д. Полонской-Василенко есть и такая запись: «Характерное письмо получено Николаем Прокофьевичем от В.И. Вернадского, попавшего в те же дни на станцию в Староселье» (ЦГАМЛИ). Письмо действительно «характерное» и любопытное. Во-первых, оно носит явно конспиративный характер. Вернадский обращается к Василенко «Дорогой Иван Петрович» (!). Иван – имя хозяина дачи Ивана Васильевича Егорова, где жил тогда Василенко; «Петрович» – первая буква отчества Василенко – Прокофьевич и, во-вторых, В.И. Вернадский впервые подписывается инициалами «В.В.». Таковы были договоренности и условности.

В то же время письмо Вернадского к Василенко информационно насыщенное. Здесь мы увидим и настроение ученого, и оценку общественно-политической ситуации на Украине и, конечно, получим представление о научных занятиях ученого на биологической станции и дальнейших его научных планах. Публикуемое ниже письмо Вернадского к Василенко относится к той группе документов, которые уже были ранее опубликованы в связи с пребыванием В.И. Вернадского на Старосельской биологической станции (Сорокина, 1990).

Письмо отложено в фонде Н.П. Василенко (Центральный государственный архив – музей литературы и искусств Украины – ЦГАМЛИ Украины) и печатается по оригиналу: ЦГАМЛИ Украины. Ф. 542. Оп. 1. Д. 20. Л. 15–16 от. Автограф.

ПИСЬМО В. И. ВЕРНАДСКОГО К
Н.П. ВАСИЛЕНКО

[Староселье]
31.VII.1919

Дорогой Иван Петрович!

Пишу не из Киева – на время уехал из него; к сожалению, не удалось проехать в Полтавщину – м[ожет] б[ыть] сам виноват, запоздал. Но кто знает, что лучше? Здесь я закончил и отделал Отчёт по Ком[мисии] по в[ысшей] ш[коле] и уч[ебным] учр[еждениям], начерно написанный Бор[исом] Леон[идовичем] (Вернадский, 2002). Отчет будет от нас, как предс[едателя] и секр[етаря] и я всюду предпосылаю принципиальную мотивировку деятельности. Вышла целая книжка. Мне кажется она интересна – и, во всяком случае может иметь исторический интерес, но я думаю, будет иметь и практический, т[ак] к[ак] придётся защищать свою деятельность, а затем необходимо и добиваться и дальнейшего развития. Думаю, что очень многие будут и рассержены и недовольны, особенно «українці», т[ак] к[ак] я вполне ясно и определённо ставлю и свою точку зрения и выясню действительный ход дел создания в[ысшей] ш[колы] укр[аинской], а не ту фальсифицированную, которую они начали на торжествах открытия Киев[ского] и Под[ольского] унив[ерситетов] (Госархив г. Киева). Отчёт хочу напечатать при первой возможности. М[ожет] б[ыть] следовало бы издать и по-украински? К Вам перешлю копию, как только сделаю, если Б[орис] Л[еонович] будет согласен с моей переработкой и вставками (Письмо Личкову Б.Л., 1979). От него ещё не имею известий. Но с ним мы очень во многом согласны. Очень интересно и важно Ваше мнение.

Здесь я без книг или вернее почти без книг. Но много думаю и пишу. Написал целую статью «О значении живого вещества для создания почв» (Вернадский, 1988). Сейчас начал обрабатывать и писать лекции по геохимии – сколько смогу это сделать без книг. А затем есть ряд и других тем – хочется набросать воспоминания детства и статью о прогрессе, как проявлении автотрофности человечества. Тут, мне кажется, у меня получаются новые черточки к пониманию явлений.

Без книг могу обходиться совсем свободно, ибо тем для мысли бесконечное множество, да и для писаний тоже. А затем природа мне даёт очень много. Недавно был в глухих лесах, последних остатках мало тронутых, среди болот придезнянских. И много мыслей. Пытаюсь учесть живое вещество леса. Приходится выдумывать методы работы.

Вчера несколько часов ловил жуков на шелюге; за последние дни есть жучек (наловил более 6000 – достаточный материал для анализа и исследований). Есть ли он у Вас? Если есть, очень прошу Вас набрать тысяч 5–6 (в банку, хорошо закупорить; жучёк одного вида – Lina – 75–100“ 10 % формалина). Лучше взвесить живых в банке (сочитав количество). Это массовые размножения («взрывы жив[ого] вещ[ества]») очень интересны и, думаю, удастся в этом явлении найти законности.

Вы писали, что ловите рыбу – а я здесь её почти не имею. Если можно, соберите кости *отдельных редких рыб* (выделено автором. – В.Л.). В костах я ищу редких земель. Доставить их надо – с указанием рыбы, времени улова и реки – Ир[ине]

Дм[итриевне] Старынкевич²⁹, Фундуклеев[ская], Лаборатория Франкфурта. Да, рыба не должна быть раньше сварена: кости надо вынуть из сырой.

Н[аталья] Ег[оровну]³⁰ я просил Вам послать 1-ый выпуск Книжн[ого] Віснику (1919) и 1-й том записок I Отд[еления] (1919). И то и другое среднее. Но важно, что вышло. И это Tour de force. Сейчас очень жалею, что не могу быть в Ком[иссии] Нац[иональной] библ[иотеки]. Там опять шовинистические течения и бедному Евг[ению] Ал[ександровичу]³¹ тяжело. Ужасно неприятна вся эта фальшивая, мелкая политическая работа. Ничего не поделаешь.

А я тут мечтаю захватить на 6–8 мес[яцев] в Лондон и засесть в библиотеках для окончания своего жив[ого] вещ[ества]. Будет ли возможность это сделать? В през[иденту] я во всяком случае не пойду – эта должность не по моему характеру. Мне хочется, оставшиеся мне годы жизни отдать только научной работе, т[ак] к[ак] передо мною раскрываются всё новые и новые горизонты. Будет ли это возможно на Украине и для Украины? Будет ли морально возможно отойти от практич[еской] общ[ественно]-политич[еской] работы украинцам нашего типа или как раз нам придётся выступать? Ведь это может быть. Эгоистически я страстно хотел бы, чтобы миновала меня чаша сия.

Всего лучшего. Ниночка³² со мной, ей лучше. Я для неё главным образом и уехал и очень виню себя, что не решился уехать к себе на хутор: пропустил момент. Наталья Егоровна в Киеве.

Всего лучшего. Ваш В. В.

²⁹ Старынкевич-Борнеман Ирина Дмитриевна (1890–1989) – химик, минеролог, ученица и сотрудник В. И. Вернадского. В Киеве совместно работали 1918–1919 гг.

³⁰ Вернадская Наталья Егоровна, супруга В.И. Вернадского.

³¹ Кивлицкий Евгений Александрович (1861–1921) – историк, педагог, первый директор научной библиотеки.

³² Нина Владимировна Вернадская, дочь В.И. Вернадского.

ЛИТЕРАТУРА

1. АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 378. Л. 2.
2. Вернадский В.И. Наука в период войн и революций//В.И. Вернадский. О науке. – Т. 2. Научная деятельность. Научное образование. – СПб., 2002. – С. 81–93.
3. Вернадский В. И. Об участии живого вещества в создании почв (Институт рукописей Национальной библиотеки им. В. И. Вернадского. Ф. I. № 26854. Л. 1–20. Автограф и полностью опубликована: К.М. Сытник, Е.М. Апанович, С.М. Стойко. В.И. Вернадский. Жизнь и деятельность на Украине. – К.: Наукова думка, 1988. – С. 186–213.
4. Вернадский В.И. Дневники 1917–1921 / Составитель: М.Ю. Сорокина. – К.: Наукова думка, 1994.
5. Вернадский В.И. Дневники 1921–1925. – М.: Наука, 1998. – С. 160.
6. Вернадский В.И. Дневники 1935–1941. – М.: Наука, 2006. – Кн. 1. – С. 38.
7. Гольдвейзер А.А. Из киевских воспоминаний //Русскийархив.–М.– Т. 6. – С. 251–254.
8. Государственный архив г. Киева. Дело об открытии Киевского и Каменец-Подольского университетов. Ф. 16. Оп. 479. Д. 120.
9. Записки Історично-Філологічного відділу Української Академії Наук / за ред. П. Зайцева; за гол. ред. Д.І. Багалія. – К., 1919. – Кн. 1. – 144 с.
10. Книжковий вісник. – К., 1919. 4.1. січень–березень, 64 с.
11. Нова Рада. – К., 1919. – 31 (18) січня. – № 22.
12. Письмо В.И. Вернадского Личкову Б.Л. от 20 июля 1919 г. // Переписка В.И. Вернадского с Б.Л. Личковым: 1918–1939. – М.: Наука, 1979. – С. 15–16.
13. Полонська-Василенко Н. Академік Вернадський (Спогади) / Н. Полонська-Василенко // Хроніка. – К., 2004. – № 57–58. – С. 498.
14. Последний день В.П. Науменко // Объединение. – К., 1919. – № 1.
15. ЦГАМЛИ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 46. Л. 92.
16. Центральный государственный архив – музей литературы и искусства Украины (г. Киев) – далее ЦГАМЛИ. Ф. 542. Оп. 1. Д.46. Л. 86–90.

«FIND ME UNNECESSARY TOO...»

(ABOUT A SECRET LETTER OF ACADEMICIAN V. I. VERNADSKY)

V. Lavrov

V. I. Vernadsky Taurida National University

The article discusses and analyzes the little-known phase of life and activities of the prominent scientist, the first president of the Ukrainian Academy of Sciences, Academician Vladimir Vernadsky in the period of the middle of December – the end of January 1919. This time span of the early post-revolutionary period was aggravated by extremely complicated politic conditions in Ukraine. There was a time of fast and frequent regime turnover and government displacement, repressions, and executions of profound scientist and public figures of that time. The article discusses the situation size up by V.I. Vernadsky himself and also gives the notion of his scientific activity at a biological station and further creative research in those days. The detailed analyses of the letter writing between V.I. Vernadsky and his colleagues clearly demonstrates that great-scale science is a apolitical phenomenon.

Key words: Ukrainian Academy of Sciences, the National Library of Ukraine, Academician V.I. Vernadsky.

REFERENCES

1. Archives of Russian Academy of Sciences. F. 518. Op. 3. D. 378. L. 2. [in Russian]
2. Vernadsky O nauke. – Vol. 2. Nauchnaya deyatel'nost. Nauchnoe obrazovanie. – S-Pb., 2002. – PP. 81–93. [in Russian]
3. Vernadsky V.I. On contribution of living substance in soil evolution (Institute of Manuscripts of National Library of V. I. Vernadsky. F. № 26854. L. 1–20. Signed and published by: K.M. Sytnik, E.M. Apanovich, S.M. Stoiko. V.I. Vernadsky. *Zhishn i deyatel'nost na Ukraine* [Life and activity in Ukraine]. – Kyiv: Naukova dumka, 1988. – PP. 186–213. [in Russian]
4. Vernadsky V. I. *Dnevniky 1917–1921* [Diaries 1917–1921] Authored by: M. Yu. Sorokina. – Kyiv: Naukova dumka, 1994. [in Russian]
5. Vernadsky V.I. *Dnevniky 1921–1925* [Diaries 1921–1925]– Moscow: Nauka, 1998. – 160 p. [in Russian]
6. Vernadsky V. I. *Dnevniky 1935–1941* [Diaries 1935–1941]– Moscow: Nauka, 2006. – Vol. 1. – 38 p. [in Russian]
7. Goldveizer A. A. Some of Kiev memories // *Russkii arkhiv*. – Moscow – Vol. 6. – PP. 251–254. [in Russian]
8. Kiev National archive. *Delo ob otkrytii Kievskogo i Kamenets-Podolskogo universitetov* [Record of establishment of Kyiv and Kamyanets-Podilsk universities]. F. 16. Op. 479. D. 120. [in Russian]
9. *Zapysky Istorychno-Filologichnogo viddilu Ukrainskoi Akademii Nauk* [Notes of Historical-Philological branch of Ukrainian Academy of Sciences]. Ed. by D.I. Bagaliya. – Kyiv, 1919. – Vol. 1. – 144 p. [in Ukrainian]
10. *Knyzhkovyi visnyk*. – Kyiv, 1919. 4.1. Jan.-March. – 64 p. [in Ukrainian]
11. *Nova Rada*. – Kyiv, 1919. – 31 (18) Jan. – № 22. [in Ukrainian]
12. Letter of V.I. Vernadsky to B.L. Lichkov from 20 July 1919. // *Perepyska V. I. Vernadskogo s B. L. Lichkovym: 1918–1939*. [Letter writing between V. I. Vernadsky and B. L. Lichkov: 1918–1939]. – Moscow : Nauka, 1979. – PP. 15-16. [in Russian]
13. Polonska-Vasylenko N. Academician Vernadsky (Memories) / N. Polonska-Vasylenko // *Khronika*. – Kyiv, 2004. – № 57-58. – 498 p. [in Ukrainian]
14. The last day of V.P. Naumenko // *Ob'edinenie*. – Kyiv, 1919. – № 1. [in Russian]
15. Central State Archive-Museum of Literature and Arts of Ukraine. F. 542. Op. 1. D. 46. L. 92. [in Russian]
16. Central State Archive-Museum of Literature and Arts of Ukraine. F. 542. Op. 1. D. 46. L. 86–90. [in Russian]

Рекомендовано до друку д.б.н., проф. Никифоровим В.В.